

СУХОЛОЖСКИЕ НЕБЫЛИЦЫ

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА

Утром постоялец из 17-го номера съехал, и горничная принялась за уборку. Особого беспорядка гость не оставил, и женщина одобрительно отметила про себя: «Порядочный мужчина». Она перестелила постель, вытерла пыль и уже собиралась пропылесосить коврик, но тут заметила, что ящичек прикроватной тумбочки закрыт не до конца. Горничная выдвинула его и увидела блокнот. Самый обычный, тоненький, в яркой обложке. Его страницы были исписаны мелким торопливым почерком. Записи пестрели почеркушками, исправлениями, стрелочками, циферками и другими непонятными знаками.

Женщина краем уха слышала, что их постоялец разыскивал свою родословную. Вроде как прадед его в Курьях жил. Вот и рылся мужчина в местном архиве, да по селам стариков расспрашивал.

– Записывал что-то и позабыл, – подумала горничная. Она отнесла блокнот на ресепшен.

– Ещё хватится, раззява, начнет с гостиницы свои каракули требовать. Лучше прибрать на всякий случай.

Администратор за стойкой откровенно скучала. Постояльцы с утра разошлись-разъехались по делам, а новых не поступало. Чтобы занять себя, женщина открыла пестренький блокнот. Вверху страницы было выведено «Сухоложские небылицы». Ерунда какая-то! А глаза будто сами заскользили по строчкам.

ТРИ ДНЯ НА СПАСЕНИЕ

Леший открыл глаза и широко зевнул. Он не спеша выбрался из дупла, в котором удобно устроился еще поздней осенью, и удивленно ахнул. Ничего себе он прикемарил! Уже наступило лето. Солнце припекало, теплый ветерок играл листьями берез, над цветами хлопотали пчелы, сосны устремляли свои резные верхушки в чистое, без единого облачка небо.

Леший блаженно улыбнулся, потянулся до хруста и помчался на Шатский водопад. Он плескал себе в лицо студеную водицу и фыркал, и кричал, и тряс кудлатой головой. Радость жизни переполняла его.

– Явился, не запылится! – резкий окрик Водяницы, жившей в водопаде, прозвучал, как удар хлыста. – Не рано пробудился? Не выспался, поди. Иди еще поспи!

– Ты чего? – удивился Леший, не понимая враждебности водной жительницы.

– Ничего! – Водяница окатила его водой с ног до головы. – Спишь себе, нежишься, а тут такое творится!

– Да что творится-то? Ты говори толком, а не брызгайся.

– Кощей бессмертный власть захватил. Бесчинства творит, и нет на него управы.

– А Баба Яга?

– Отравил он её.

– Что?!!

– А то!

– Как же отравил? Она же бессмертная!

– Ну да, жива бабка, только силу свою потеряла, и с каждым днём все слабее становится.

– Ёлки-палки! – Леший метнулся за Алтынай, где в глухом непроходимом лесу стояла избушка на курьих ножках.

Его встретили тишина и запустение. С замирающим сердцем Леший поднялся на высокое крыльцо. С печки сверкнул зелёным глазом, отощавший черный кот, на чердаке завозились гуси-лебеди. Баба Яга молча смотрела на него с лежанки. Она исхудала так, что только нос крючком торчал посреди

лица, а под лоскутным одеялом, казалось, вообще скелет лежит. Платок валялся на полу. Перепутанные седые космы разметались по подушке.

– Пришёл... – еле слышно прошелестела Баба Яга.

Леший зачерпнул со дна бадейки остатки воды, поднес резной деревянный ковшик к потрескавшимся губам. Хозяйка сделала два глотка и откинулась на подушку.

– Как? – коротко спросил Леший.

– Бесы лес подожгли. Я на ступе летела, вижу – огонь, дым. Опустилась, гулей-лебедей свистнула, стала пламя сбивать. Потушили мы пожар. Фартук жалко. Новый совсем – и трех веков не ношенный. Да что уж там! Смотрю в стороне от пепелища под кустом коробок спичек валяется. Поджигатели бросили. И не скрываются, прихвостни кощеёвы.

Положила я коробок тот в карман, чтобы потом, как улику предъявить. После передумала. Начни я разборки – это война. А войны совсем не хотелось. Швырнула я с досады коробок в огонь. Тут как пошел из печи какой-то зеленый дым, я и упала замертво. Очухалась потом, но силу свою волшебную потеряла, да и здоровье день ото дня хуже. Чую, недалек тот час, когда буду лежать, словно чурка с глазами. Страшно ни живой, ни мертвой на веки вечные остаться.

– Неужто сделать ничего нельзя?

– Сделать-то можно, только на все про все три дня и три ночи осталось.

– Так говори скорей!

– Дай-ка мне... – Баба Яга показала глазами на полку, и Леший достал оттуда кусок бересты и заостренную палочку – писало. – Михайлихе передай из Алтыная. Мы с ней, почитай, век уже знакомы. Это рецепт эликсира. Только травы для него должен собрать человек бескорыстный, с чистыми мыслями, с сердцем, любящим и верным.

Вконец обессилив, Баба Яга закрыла глаза. Леший пожал ее скрюченные пальцы:

– Держись Ягуля!

В полночь В Курьях в беседке на вершине скалы собралась нечисть. Наступило полнолуние. В залившем окрестности холодном белом свете

переливались перламутром русалочки хвосты, хитро поблескивали глазки домового на заросшем бородой лице, Гаевка в простеньком сарафанчике тулилась к своему деду Лешему, Полудница переплетала свой венок из трав, которые ей подавал её сын – Луговичок. «Многолюдно» было в эту ночь на скалах «Три сестры», да только собрание выходило невеселым.

– Никакого спасу от этого Кощея нет, – жаловались русалки. – Только выйдем на бережок в лунном свете понежиться, бесы тут как тут – схватят и утащат богачам на утеху. А русалка без воды долго не может, вот и гибнут наши сестры в кощевых «весёлых домах».

– Да уж, эти бесы... – горестно вздохнула Гаевка. – Пока ты, Леший, спал, да баба Яга болела, повадились они среди зверья лесного «дурь» распространять. Гибнут от неё зверушки, потомство больное приносят, не кормят малышей и пищу добывать не учат. Так что и приплод их редко выживает. Беда.

– Кощей и до нас добрался! – возмущался Домовой. – Заставляет налог платить. Каждый год Домовой должен ему золотое украшение сдать или денег, сколько назначит, уплатить. Это ж полный беспредел! Домовые испокон веку дома и хозяев оберегали, а теперь нас воровать там, где живем, принуждают.

– Ну, хватит! – прервал жалобы Леший. – Без бабы Яги нам с Кошеем не справиться.

– Не справиться, – хором согласились собравшиеся.

– Значит, наша задача – спасти Бабу Ягу. Мы ведь кто?

– Кто? – растерянно спросил Луговичок.

– Нечистая сила. Сила! Понятно вам? Так что слушай мою команду. Домовые должны к утру найти среди своих хозяев человека с чистой душой и любящим сердцем. Соня, ты во сне этому человеку укажешь, что ему делать. Перед тем, как в дорогу отправиться, он в баню пойдет. Там Банница его водой заговоренной, паром волшебным так обдаст, чтоб силы его утроились. У вас, Полудница и Луговичок, своя задача будет. А ты, – Леший ткнул пальцем в Домового, – так устрой, чтобы эту записку Михайлиха из Алтыная сегодня же получила. – Он протянул духу бересту, тесно исписанную Бабой Ягой.

– Помните, мы не просто Бабу Ягу спасаем, мы за самих себя бьёмся. Не станет Ягули, Кощей нас махом всех прижмет. И помните, у нас есть всего три дня и три ночи.

Домовые всегда жили заботами своих хозяев, поэтому отыскать человека, подходящего для особой миссии, им не составило труда. Мария Васильевна долго не могла уснуть. Она ворочалась, гнала от себя тревожные мысли, но они упорно возвращались и сводили с ума. От сына, Серёженьки, не было ни звонка, ни СМС. Она набирала номер сына сама, оставляла голосовые сообщения с просьбой перезвонить, но Сергей так и не выходил на связь. Женщина понимала, что случись самое худшее, ей бы сообщили. Но армия... армия давно уже стала для матерей чем-то вроде безжалостного чудовища, готового в любой момент пожрать их сыновей.

Мария Васильевна сама не заметила, как задремала. Во сне она четко увидела какой-то дом, адрес на табличке, хозяйку. Женщина признала в ней известную в районе гадалку, Михайлиху.

Едва забрезжило в окне, женщина проснулась. Нетерпеливо поглядывая на часы, она ждала первого автобуса. Сокрушалась, как это раньше не додумалась: в Алтынай надо было ехать. Михайлиха точно скажет, что с Сереженькой.

Ведунья словно поджидала гостью. Пригласила войти, предложила чаю. Да какой уж Марии чай! Гадалка же, не спеша, раскинула карты, покивала головой, пожевала губами и уставилась прямо в глаза Марии:

– В беде твой сын.

У женщины потемнело в глазах. Она бы так и повалилась со стула, но ведунья успела подхватить. Брызнув в лицо ей холодной водой, гадалка привела Марию в чувство.

– Погоди в обморок падать! – заворчала она. – Нежные все какие! В твоих силах сыночка выручить. Готова?

– Готова! Готова! Что хотите...

Михайлиха подала посетительнице листок, на который скопировала берестяное послание Бабы Яги. – Травы эти надо собрать в тех местах, где указано, и сделать это требуется до заката.

– Да! Да! – Мария прижала к груди бумажку и кинулась на автобусную остановку.

– Погодь! – дёрнула ее за рукав Ведунья. – Перед тем, как за травами отправиться, в баню сходи. Обязательно, слышишь? А то проку не будет.

– Да! Да! – как болванчик кивала Мария и рвалась наружу из дома гадалки.

– Выдумала тоже! – сердилась она на Михайлиху. – Баню ещё топить надо, а тут до заката успеть требуется. Посмотрела расписание автобусов – никак не получится.

Пока топилась баня, Мария обежала соседок. Просила в долг, кто сколько даст. Напарившись - намывшись с ещё не просохшими волосами, вызвала такси. Именно на машину ей нужны были деньги. Предстояло мотаться по району вдоль и поперек.

Таксист поначалу злился – что за дурацкий заказ! И пассажирка какая-то невменяемая. Но когда Мария рассказала свою историю, водитель проникся сочувствием и больше не ворчал, а вел машину быстро, выбирая кратчайший маршрут.

Следуя списку, на Ирбитском болоте женщина набрала мха и осоки, в долине реки Пышмы нарвала ветреницы и прострела жёлтого, на скалах вдоль русла выискала адонис весенний, на просеках и вырубках и просеках нашла саранку и зверобой, на влажных лугах Алтыная ее сбор пополнился ирисами и наперстянкой. Она и знать не знала, что взгляд ее на нужные цветы и травы направляют незримые спутники – Полудница с Луговичком.

Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, когда Мария, почти лишившаяся сил, заколотила в ворота Михайлихи. Та, молча, приняла у неё мешок, полный трав, а женщина опустилась на землю. Таксист поднял её и чуть ли не на руках отнес в салон автомобиля.

При расчёте выяснилось, что денег у заказчицы не хватает. Немного, правда, 230 рублей. Посмотрев на измученное лицо клиентки, водитель только рукой махнул:

– Сама-то до дому дойдешь?

Та покивала и, пошатываясь, пошла к воротам. Она так и упала на кровать, не раздевшись. Разбудил ее телефонный звонок. Сережа сообщил,

что немного травмировался на учениях. Он сейчас в госпитале, но все уже хорошо – обещают скоро выписать.

А в подвале ведуньи в это время кипела работа. Тут у старухи была оборудована целая лаборатория, и она колдовала над травами, собранными Марией: кипятила, крутила на центрифуге, фильтровала, разбавляла и снова выпаривала.

В ближайшем перелеске ее поджидал Леший. Был бы он мужиком, наверное, три пачки сигарет бы искурил, а так только переодевал свою обувь с левой ноги на правую и наоборот, да теребил свое единственное ухо. Наконец, филин ухнул, Домовой свистнул, и на тропинке, ведущей в лес, появилась Михайлиха. Она бережно несла граненый пузырек из темного стекла с лечебным эликсиром.

Когда Леший вошел в избушку на курьих ножках, Баба Яга даже глаз не открыла. Хозяин леса присел с краешка на лежанку, приподняв голову старухи, поднес пузырек к бескровным потрескавшимся губам. Первые же капли чудесной жидкости сделали чудо. Глаза старухи открылись, впалые щеки расправились, порозовели. Баба Яга сделала два глотка, села на постели и хрипло рассмеялась:

– Живем, Леший, живем!

Они обнялись и через минуту уже отплясывали посреди избушки. Черный кот победно мяукал, гуси-лебеди кружили над крышей.

– Рано радуетесь, – злобно сжимал кулаки Кощей в своем роскошном особняке.

Но ничто не могло омрачить праздник у друзей Бабы Яги. Древние духи воочию убедились, что они, хоть и нечистая, но все-таки СИЛА.

Древние духи

Баба Яга – уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой. В ряде сказок уподобляется ведьме, колдунье, а также у нее прослеживаются черты духа – покровителя племени.

Леший – лесной дух-оборотень. Внешний вид Лешего очень похож на человеческий, но его легко вычислить по перепутанной обуви. Часто у Лешего нет правого уха, волосы обычно с пробором налево, а зелёные глаза горят, словно угли. Леший может принять облик любого лесного существа или растения. В лесу он хозяин, и все подчиняется его правилам. Леший предпочитает жить в ельниках, очень любит громко петь и ходит по лесам с очень большой скоростью.

Гаевка – внучка Лешего, покровительница лесных зверей и птиц.

Водяница – дух, обитающий в воде. Водяницы прыгают, плещутся на поверхности вод. Они не злобные, скорее, проказницы.

Русалка – человекоподобное существо женского пола, обитающее в водоемах. Русалка похожа на людей, с очень длинными волосами и иногда с рыбьим хвостом вместо ног. В лунные ночи русалки любят выходить из воды, располагаться на камнях или на траве и расчёсывать свои волосы.

Домовой – домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных.

Банница – дух, живущий в бане.

Полудница относится к полевым Берегиням. Рождаются и умирают Полудницы вместе с полем.

Луговик – дух лугов, маленький зелёный человечек в одежде из травы. Он помогает исподтишка людям во время сенокоса и считается сыном Полевого и Полудницы.

Соня – дух сновидений.

ГНЕВ ВОДЯНИЦЫ

Солнечный день щедро разливал, разбрасывал, раздаривал беззаботность, легкость и веселье. Поддавшись этому чудесному настроению, Водяница помчалась поверх волн Шатского водопада. Она запрыгала, заскакала вместе с ними, хохоча и рассыпая по воде сотни сверкающих искр. Водяница любила эту Шатскую горку, невеликую, но живую и веселую, особенно, как нынче, по весне. Тут и ребятишки часто бывают. Вот опять деревенские пацаны прибежали.

– А!!! – задохнулась вдруг в крике Водяница. Мальчишки принялись в воду камешки бросать. Петькин кругляш со всей силой в лоб ей влетел. От неожиданности и гнева Водяница и сама не поняла, что сотворила. Плеснула, брызнула – и застыл парень на месте. Как был с ещё одним булыжником во вскинутой руке, так и окаменел.

– Ты чо?! Ты чо?! – кричали ему приятели, не решаясь подойти ближе. Сенька начал «статую» на телефон снимать, Данька робко предложил «скорую» вызвать, Ванька, самый отчаянный, осторожно приблизился к замершему товарищу и дрожащими пальцами коснулся его плеча.

– Каменный... – растерянно оглянулся он на перепуганных пацанов.

Мальчишки, не сговариваясь, рванули в деревню.

– Тетя Маша!

– Чего вам? – недовольно глянула на раскрасневшихся подростков Петькина мать, работавшая продавщицей в местном магазине.

– Там...

– Что «там»? – насторожилась Мария.

– Это...

– Да говорите уже! Петя? Что? Что?!

Сенька показал женщине снимок в телефоне.

– Как это? Врете! Дурите меня! – лихорадочно бормотала продавщица, запирая магазин и вывешивая табличку «Перерыв».

Она, задыхаясь, бежала к водопаду, все еще надеясь, что это какой-то их дурацкий флэш-моб, прикол, дебильная шуточка, но, едва завидев

издалека неподвижную фигуру у воды, закричала не своим голосом и чуть ли не кубарем скатилась вниз.

– Петя! Петенька! – мать трогала, гладила, шлепала окаменевшие щеки и руки, все пыталась заглянуть в неживые глаза. Только не слышал ее этот холодный твердый истукан цвета речной гальки.

– Может, «Скорую»? – опять подал голос Данька.

– Да! Да! – Мария начала тыкать в дисплей дрожащим пальцем.

Диспетчер никак не могла понять, что за ерунду несет рыдающая женщина, пока Ванька не отобрал у обезумевшей матери гаджет:

– Несчастный случай. Мальчик двенадцати лет. Шатский водопад.

Когда на место приехал срочно вызванный с работы Петин отец, здесь уже были «Скорая», полиция, МЧС. Да толку-то! Фельдшер крестилась, менты матерились, мчс-ники докладывали областному начальству.

Водяница аж обалдела от такого столпотворения. Откуда ей было знать, что ее вспышка гнева к таким чудесам приведет. Она бы уже взад-пятки дала, потому что характер имела текучий и незлобивый, да не могла. Это ж не только у людей «слово – не воробей», и сделанного не воротишь.

Стемнело. Все разъехались. И только Мария сидела на земле, обнимая окаменевшие ноги сына. Муж пытался уговорить ее поехать домой. Тщетно.

– Да как же тут мальчика одного оставить? Хулиганы-наркоманы придут, его поцарапают, уронят, разобьют. Полиция охраняет? Знаю я их охрану. Менты уснут в своей машине и ничего не услышат. А как ученые с утра придут, на опыты-эксперименты Петеньку заберут? Ты, Коля, как хочешь, а я сына не брошу.

Муж махнул рукой и пошел собирать ветки для костра.

Лена всю дорогу в автобусе подремала. Она училась в колледже в Екатеринбурге и ехала домой на выходные. Сквозь сон девушка слышала, что телефон в сумке звякнул – какое-то сообщение пришло, но открывать глаза не захотела.

Дома удивилась – нет никого. Куда все подевались? Никогда так не бывало. И в кастрюлях пусто. Случилось что? Девушка решила позвонить матери и увидела непрочитанное сообщение. Фото окаменевшего брата и

дикие комментарии под ним привели в ужас. Однако уже через пару минут, Лена, попив воды, набрала номер соседа-одноклассника.

– Вить, у тебя мотик на ходу?

– Ага.

– Поехали!

На водопаде девушка убедилась, что окаменевший брат – это не фейк, не розыгрыш. В их семью пришло горе. Да такое, что...

Глядя на огонь небольшого костерка, Лена слышала и не слышала звук стремительно текущей, прыгающей, бурлящей воды.

– Едем! – резко дернула она за рукав соседа. – В Алтынай! Слышишь, в Алтынай!

– Зачем? С ума сошла! Ночь же!

– Мне что, такси вызвать?

– Да ладно!

Лена сроду не бывала в поселке. Ее вело сердце. Она долго стучала в неприметные ворота. Хозяйка открыла ей босиком, в ночнушке, только что платок на плечи набросила. Ни слова не сказав, она впустила девушку в дом, жестом приказав ее спутнику оставаться за воротами.

В комнате ведунья широко зевнула, небрежно забрала седые космы старой дешёвой гребенкой и включила ноутбук. Потом, почесывая шею, пару раз щелкнула мышкой. Монотонно загудел принтер.

– Держи! – бабка протянула Лене распечатку. Та ошалело переводила взгляд с листка бумаги на ведунью. Потом, спохватившись, достала деньги. Однако хозяйка только рукой махнула и подтолкнула девушку к выходу.

Когда вернулись на водопад, небо на востоке уже посветлело. Оно занималось желтым, бирюзовым, розовым, обещая еще один солнечный день. Лена встала у кромки воды, обратилась лицом к этому утреннему зареву и принялась читать.

Ты, Чур Небесной,

Ты, Чур Земной,

Ты, Чур Водяной!

Простите и правьте Петра,
В чем не ладен!

Ты, Солнышко красное,
Ты, Месяц ясный,
Вы, звезды частые,
Простите и правьте Петра,
В чем не ладен!

Вы, Боги Родные,
Вы, предки святые,
Ты, Земля-Матушка,
Простите и правьте Петра,
В чем не ладен!

Девушка низко поклонилась на все четыре стороны.

Первый луч солнца, вспыхнувший над горизонтом, совпал с радостным криком Марии. Петя ожил, и, ничего не понимая, озирался вокруг. Мать тормошила его, гладила, целовала. Отец закурил и отвернулся, чтобы скрыть слезы. Витька подошел к Леночке:

– Поехали что ли?

А Водяница весело покатила с горки в стремительном потоке:

– Так-то! Будете у меня знать!

УКРОТИТЕЛЬНИЦА КОШМАРОВ

– Пещера, называется! На фига мы сюда приперлись! – Макс водил по стенам лучом фонарика, включенным в телефоне. – Ни хрена тут нет: темно и душно. А ты все ауф, ауф¹! – обернулся он к приятелю. Но Вик не собирался сдаваться:

– Хорош стонать! Зато почекали². Если ты вайб³ не сечешь, это твой зашвар⁴. Тут, как никак первобытные люди жили.

– Да пошёл ты! – Макс решительно направился к выходу их пещеры.

– Погодь! – остановил его приятель, протянув ему баллончик с краской:
– Ты же в художку ходил, у тебя лучше получится.

Краски в баллончике оказалось мало, так что на стене пещеры вышла нелепая оборванная надпись: «Здесь были Мак...». Максим зло отшвырнул порожний металлический цилиндрик:

– Пошли отсюда на хрен!

Открыв дверь квартиры, парень удивился: пахнет вкусно и на кухне кто-то возится.

– Бабуля! Ты чего здесь?

– Ничего. Жить с тобой буду.

– Зачем?

– Ты что, забыл? Родители твои сегодня в отпуск уехали.

Ну, да, Макс еще обиделся тогда, что они его с собой на море не берут, а потом забил на это дело: пускай себе катятся. Они и укатили. Бабку вот в надзиратели приставили.

Мария Петровна, словно не замечая раздражения внука, захлопотала, накрывая на стол. Вкуснящий гуляш с подливой и картофельное пюре немного примирили Макса с возникшей ситуацией. Прихватив с собой кружку с вишневым компотом, он убрался в свою комнату и засел за компьютер.

Спать Максим лег за полночь. Проснулся в пещере, вроде той, в которой они сегодня с Виком были. Только хотел к выходу направиться – не тут-то было. Стены двигаться начали. Все ближе, все тесней. Идти не дают. И вот уже Макс вроде как в каменном мешке. Еще чуть-чуть и раздавит его совсем. Он руки расставил, ладонями в шершавую холодную поверхность уперся. Да

разве такие глыбищи удержишь! А перед глазами в воздухе надпись огнем горит: «Здесь были Мак». Закричал парень не своим голосом. Глаза открыл – темно. И не поймет он, домашняя это темнота или все еще та, пещерная.

– Максимушка, что ты? Приснилось что?

– Нормуль все! Забей! – отмахнулся подросток, скрывая радость: сон это! Всего лишь сон.

Утром он и забыл о ночных кошмарах. С бабушкой жить оказалось не так уж плохо. Она к нему не лезла, кормила вкусно. Все что-то мыла, стирала, прибирала. Или садилась в кресло с книжкой. А то и за ноутбуком, не хуже Макса, часами зависала.

Плохо было другое. Кошмарный сон стал повторяться каждую ночь. И был он все настойчивей и подробней. Макс с криком просыпался, когда уже по стойке «смирно», зажатый стенами стоял, и вздохнуть не мог.

Мария Петровна больше ничего не спрашивала. Проснувшись от Максимкиного крика, женщина спешила в комнату внука, садилась на краешек кровати и гладила его по руке.

– Чего ты? Иди! – бурчал на нее подросток, вырывая руку, а сам был рад радешенек, что в комнате не один.

Где-то через неделю, щедро поливая малиновым вареньем пышные горячие оладушки, бабушка, как бы между прочим, спросила:

– Снится-то что?

– Пещера, – скупое ответил внук.

– Какая пещера?

– Ну, эта – гебистская что ли.

– Гебауэра?

– Ага, Гебауэра.

– Интересное место.

– Да что там интересного! Темно, пыльно, мыши летучие. Бр-р!

– Ну, не скажи. Там древние предметы находили, кости времен неолита и бронзового века.

– Сейчас-то там этого нет.

– Почему нет? Окаменелости вполне могут быть, ракушки там, полумесяцы брахиоподов.

– А это что за фигня?

– «Погугли» – узнаешь.

– Да говорю же, нет там ничего.

– И давно ты в пещере был?

– С неделю назад.

– После этого кошмары начались?

– После...

– А своди-ка ты меня туда.

– На фиг! Да и не дойти тебе – ты же старая.

– Со мной же ты будешь, молодой и сильный. Идем?

До пещеры они добрались на удивление быстро. Едва зайдя в темный проем, женщина сразу увидела на стене свежую надпись.

– Это какой же твой тезка тут напакостил?

– Почему напакостил? – Максим водил по стенам лучом фонарика, пытаясь отыскать окаменелости, о которых говорила бабка, но больше для того, чтобы скрыть страх. Ему казалось, что стены сейчас начнут двигаться, как в его ужасном сне.

– Место это для древних людей было сакральное, – невозмутимо продолжала бабушка, – тут жертвоприношения приносили. И вот через тысячи лет приходит сюда их глупый потомок и не весть что на стенах малюет. Разве это не пакость? Конечно, пакость.

– Жертвоприношения? – похолодел Максим. – Человеческие?

– Находили-то медвежьи кости. Но кто его знает, – как ни в чем не бывало толковала бабушка. Парень, сломя голову, ринулся к выходу.

Утром Мария Петровна поставила перед внуком тарелку с пиццей. Максим, хоть и почувствовал подвох, но оторваться от горячего, в меру сочного, в меру острого блюда с хрустящей корочкой никак не мог. А потом бабка позвала его в прихожую, где при нем загрузила в объемную сумку шпатель, стамеску с молотком, щетку, совок, лопатку и небольшой веник.

– Нет! – заорал Максим. – Нет!

– Да! – сказала бабушка и, вручив ему сумку, решительно выставила парня за дверь.

Вернулся Максим уже вечером. Преодолевая страх, он соскоблил надпись со стены. Где не помогал шпатель, брался за стамеску, потом ещё щеткой прошёлся. Не очень, конечно, получилось, но следа от синей краски не осталось. Потом он посметал, собирал окурки, пустые пачки из-под чипсов, жестяные баночки из-под пива и энергетиков и свой голубой баллончик. Все это он закопал в вырытую поблизости ямку.

Устал так, что даже от ужина отказался. Уснул, едва на кровать повалился, и спал, как убитый – никаких тебе кошмаров.

Утром вышел на кухню, а у бабушки сырники на сковородке румянятся.

– Умывайся, давай – и за стол, – улыбнулась Мария Петровна внуку, ставя рядом с тарелкой баночку свежей сметаны.

1. Круто, молодежный сленг
2. Проверить, молод. сленг
3. Настроение, молод. сленг
4. Позор, молод. сленг

СТРАСТИ НА БОЛОТЕ

Кикимора устроила себе что-то вроде гамака и сладко подремывала в камышах. Вмиг проснуться, аж подпрыгнув на своем плетеном ложе, ее заставил выстрел.

– Чтоб тебя! – выругалась болотная нечисть. – Ну, держись, охотничек!

Кика двинулась на лай собаки и сначала увидела, как рыженький спаниель с размаху влетает в воду, торопясь принести хозяину подбитую птицу. А когда подняла глаза на человека, ожидавшего четвероногого помощника, враз пропала.

Охотник был молод, высок и ладно скроен. Камуфляжный комбинезон сидел на нем так, будто он в нем родился. Из-под пятнистой кепки с большим козырьком внимательно смотрели голубые глаза. Движения мужчины были скупы, уверенны, и как-то особенно плавны.

Кика жила на Лягушачьем болоте, которое на востоке примыкало к Таушканскому озеру. Охотники редко забредали в топкие эти места. Далеко не юные, лысые или седые, худые или с отвисшими животами, они появлялись компаниями, особенно в день открытия охоты. Стреляли по уткам, а больше пили водку и гоготали у костра. От них Кика уходила куда подальше. Ее бы воля – всех разом в трясине утопила.

Другое дело нынешний охотник. На него Кике хотелось смотреть и смотреть. А когда собака принесла хозяину крупную утку, у болотной нечисти и вовсе сердце упало. Мужчина, приняв трофей, стал гладить собаку по голове, трепать ее длинные шелковистые уши и приговаривать: «Молодец Верна! Умница Верна!». Кикимора мгновенно возненавидела эту рыжую суку. Это ее, Кику, прекрасный охотник должен по зеленым волосам гладить, это ей он должен ласковые слова говорить!

Собака же, учуяв присутствие нечисти, напряглась, вздыбила шерсть и отчаянно залаяла. Мужчина зорко осмотрел окрестность:

– Что ты, Верна? Нет никого. Тише! Хватит! Уток распугаешь.

Спаниель, грозно ворча, направился за хозяином. Охотник искал удобное местечко для следующего выстрела. Кика следовала за ними.

Надо сказать, что когда-то она тоже была человеком. Мать рожала ее тяжело и долго. Намучилась малышка, пока на белый свет выбралась, вот на саму жизнь у нее силы и не хватило. Через пару часов девочки не стало. Ну а

потом... Крохотное тельце, понятно, похоронили, а душу невинную нечистая сила выкрала. До семи лет ее в нежити держали, после – в кикиморье тело определили и на болото выпустили. И жила она себе по тому порядку, что с древности заведен. А тут – на тебе!

Кика смотрела и насмотреться не могла, как охотник ждет терпеливо, как выцеливает добычу, как в одному ему известное мгновение почти неуловимым движением пальца спускает курок. Теперь он от нее никуда не денется. Не отпустит она его, не отдаст.

Забравшись в самое гиблое место громко заплакала Кика. Слышится Охотнику – малый ребенок плачет. Что за чертовщина? Откуда тут младенцу взяться? Но следом вроде и женский голос раздался. Криком кричит, о помощи просит.

Поспешил Охотник на зов. Верна рядом бежит, лает, мордой хозяина толкает, вроде остановить его хочет. Отпихнул Охотник спаниеля. Тот ему вовсе в ноги бросился. Упредить хотел, а вышло – только хуже сделал. Полетел Охотник кувырком, да в самую трясину и попал.

Смотрит Кика, как вязнет, погружается, тонет её возлюбленный. Ужас в его глазах, отчаяние на лице.

– Дай, – думает Кика, – в человеческом обличье ему явлюсь, чтобы понял, глупый, какое счастье его ждет.

Увидел Охотник, как из сумерек, спускающихся на болото, материализовалось существо премерзкого вида. Вроде женщина, потому как длинные зеленые волосы ее были болотной тиной перевиты, сама худющая да горбатая, глазки маленькие, губы тонкие, а нарядом ей – рыбацкая сеть рваная.

– Вот она какая – смертушка, – подумал Охотник, – а все говорят, что с косой.

Он обреченно закрыл глаза и стал покорно дожидаться своего последнего вдоха. В двух шагах отчаянно заливалась лаем Верна. Да что она еще могла!

Кика обиделась, что избранник не оценил её прелестей. Ей вообще стало грустно. Уйдет сейчас Охотник с головой в трясину и будет там торчать, холодный. неподвижный. Красота его скоро пропадет. И какой из всего этого

толк? Она-то хочет, чтобы он ей улыбался, по голове её гладил, руку жал, ласковые слова говорил. Только мертвые говорить не умеют.

А вот останься он жив, может, ещё когда-нибудь на Лягушечье болото придет. И снова она им полюбоваться сможет, голос его услышать, поскакать-попрыгать невидимая рядом, может, и под руку ему попасть, чтобы Охотник нечаянно ее коснулся.

Громкий треск заставил мужчину открыть глаза. Неожиданно сломилась длинная тонкая лесина. Да не просто сломилась – как по заказу рядом упала. Прилагая нечеловеческие усилия, Охотник вытянул, выволок, вырвал правую руку из трясины и ухватился за гибкий ствол. Почти теряя сознание от напряжения, не час и не два, сантиметр за сантиметром мужчина выползал из гиблого места. Все это время Кика сидела рядом, подперев кулаком щеку и любуясь на своего избранника.

Потом Охотник выбрался и отключился, а Верна вылизывала языком его грязные щёки.

Они уходили на рассвете. Даже уток своих не подобрали. Кикимора смотрела им вслед и думала о том, что скоро зима. Ее она спокойно проспит в своем уютном гнездышке. А потом придет весна, прилетят утки. И случись каким охотникам забрести на ее сторону озера, пощады им не будет. Теперь Кика всех топить станет.

– Всех! Всех! Всех! – яростно шептала Кика, и ее зелёное лицо было мокрым от слёз.